

На правах рукописи

Юртаева Марина Николаевна

КОГНИТИВНО-СТИЛЕВЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

19.00.01 – общая психология, психология личности,
история психологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена на кафедре теоретической и экспериментальной психологии
ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический
университет»

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор
Глуханюк Наталья Степановна

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, профессор
Минюрова Светлана Алигарьевна

кандидат психологических наук, доцент
Ковалева Галина Викторовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный
университет»

Защита состоится «17» июня 2011 г. в 16 часов на заседании диссертаци-
онного совета ДМ 212.286.07 по защите докторских и кандидатских диссертаци-
онных работ при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горько-
го» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Автореферат разослан «__» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат педагогических наук, доцент

Л.Г. Попова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Толерантность к неопределенности служит примером феномена, значимость которого возрастает во всех сферах современной жизни. Предпосылкой для этого является рассмотрение толерантности к неопределенности как объяснительного конструкта поведения в областях культуры и социальной жизни (E. Abbey, 2002, 2004; I. Choi and J. Choi, 2002; I. Cornelis and A. Van Hiel, 2006, et al.), менеджмента (S. Ashford et al., 2003; N. Nelissen and P. de Goede, 2003; M. Lane and K. Klenke, 2004; S. Madzar, 2005; J. Walinga, 2008), образования (G-S. Lim, 2002; V. DeRoma et al., 2003; R. Kim, S. Goldstein, 2005; R. Narayanswamy, 2008) и психотерапии (Н.В. Шалаев, 2007; N. Friedland et al., 1999; S. Bayer et al., 2007). Интерес к данному феномену инициируется также необходимостью решения ряда теоретических проблем современной психологии. Продуктивной в этом плане представляется сопоставимость понятия толерантности к неопределенности с идеями неклассической и постнеклассической философской мысли как методологическими ориентирами современных психологических исследований (В.П. Зинченко, 2007; Т.В. Корнилова, 2006, 2010; А.В. Юревич, 2001, 2005). Как полагает Е.П. Белинская (2006), концепт толерантности к неопределенности начинает реализовывать максимально широкие экспликативные функции, претендуя тем самым на статус одной из центральных психологических категорий.

Первые исследования проблемы толерантности к неопределенности были выполнены в русле концепции авторитарной индивидуальности (E. Frenkel-Brunswik, 1948, 1949; T. Adorno et al., 1950). Толерантность к неопределенности рассматривалась как характеристика когнитивного стиля. Развитие и осмысление исследований Э. Френкель-Брунsvик привело к дополнению списка свойств феномена личностными особенностями (C. Bochner, 1965). Смешение конструктов (в терминах измеряемых характеристик поведения) когнитивного стиля и личностной черты поставило под сомнение пригодность конструкции «когнитивный стиль» для объяснения специфики социально-психологических явлений (R. McCrae, 1996; A. Chirumbolo et al., 2004; I. Cornelis and A. Van Hiel, 2006).

Наделение толерантности к неопределенности статусом самостоятельной, устойчивой характеристики личности явилось следующим этапом осмысления феномена. Но поскольку толерантность к неопределенности эксплицирует многоплановость психических проявлений, то концепция черт также не может считаться удовлетворительной для понимания и объяснения феномена.

На современном этапе изучения данного явления наблюдается увеличение работ прикладной направленности. Все большее значение приобретают вопросы измерения толерантности к неопределенности. Следствием этого являются противоречия концептуального плана, обнаруженные в ходе анализа исследований. К числу таких противоречий можно отнести рассмотрение толерантности к неопределенности как одномерного или многомерного явления, как «стержневого» психического свойства или специфической особенности когнитивных процессов.

На наш взгляд, данные позиции не столько носят характер противоречия, сколько свидетельствуют о дефиците исследований толерантности к неопределенности, способных учитывать различные характеристики в составе феномена.

Цель исследования: установить когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности путем применения комплексного подхода.

Объект исследования: феномен толерантность к неопределенности.

Предмет исследования: соотношение когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности.

Задачи работы

Теоретические:

1. Охарактеризовать современное состояние и направления исследования феномена, с целью выявления особенностей состава толерантности к неопределенности, ее характеристик; на основе анализа уточнить содержание феномена толерантности к неопределенности.

2. Сконструировать модель феномена толерантности к неопределенности, обосновав входящие в его состав характеристики и предполагаемые взаимосвязи между ними.

Эмпирические:

1. Выявить, существуют ли соотношения между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности с учетом предположения о линейности измеряемых характеристик.

2. Сопоставить основные и дополнительные показатели когнитивных стилей с психометрическими показателями толерантности к неопределенности и их коррелятами (с учетом феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей).

Гипотезы исследования

Общей *теоретической гипотезой* исследования явилось предположение о том, что состав феномена толерантности к неопределенности представлен сочетанием особенностей когнитивных процессов и черт личности, взаимосвязи между которыми обуславливают индивидуальную специфику преодоления ситуации неопределенности.

Исходя из теоретической гипотезы было сформулировано две *исследовательские гипотезы*:

1. Когнитивно-стилевые и личностные характеристики толерантности к неопределенности взаимосвязаны.

2. Специфика взаимосвязей между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности опосредуется свойствами когнитивного стиля двояко: проявление действия механизма произвольного интеллектуального контроля над переработкой информации положительно сопряжено с толерантностью к неопределенности; эффекты крайних значений когнитивного стиля положительно сопряжены с интолерантностью к неопределенности.

Методологической основой исследования явился комплексный подход, разные варианты которого представлены в работах В.П. Кузьмина, 1982; Б.Г. Ананьева, 1977, 2001; Б.Ф. Ломова, 1984, 1996; В.С. Мерлина, 1986, 1996; Л.Я. Дорфмана, 2002, 2005.

Теоретической основой исследования явились представления о толерантности к неопределенности, развитые в русле концепции авторитарной индивидуальности (Е. Frenkel-Brunswik, 1949; Т. Adorno et al., 1950); работы, выполненные в традициях персонологического и диспозиционного подходов (S. Epstein et al., 1996; R. Pacini and S. Epstein, 1999; M. Berzonsky, 2004; S. Budner, 1962; Ch.D. Spilberger, 1983; D. MacLein, 1993); положения концепции функционально-уровневой регуляции принятия интеллектуальных решений (Т.В. Корнилова, 2003); идеи стилевого подхода, представленные в работах К. Goldstein and V. Scheerer (1941), Н. Werner (1946), R. Gardner et al (1960), Н. Witkin and D. Goodenough (1954, 1982), J. Kagan (1966), M. Grimley et al. (2008), И.Г. Скотниковой (1993, 1998), И.Г. Шкуратовой (1994), А.В. Либина (1998), М.А. Холодной (1996, 2000, 2002).

Научная новизна работы. Впервые в одном исследовании толерантность к неопределенности рассматривается как когнитивно-стилевая и личностная характеристика. Впервые характеристики толерантности к неопределенности анализируются с позиций феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей. Предложена новая трактовка такого показателя когнитивного стиля ригидный/гибкий познавательный контроль, как «соотношение времени чтения карт “цвет” и “слово”». Показано, что действие механизма непроизвольного интеллектуального контроля над переработкой информации может выступать ресурсной составляющей интеллектуально-личностного потенциала субъекта в ситуации неопределенности.

Теоретическая значимость исследования. Систематизированы и обобщены зарубежные разработки проблемы толерантности к неопределенности, выполненные в русле различных направлений ее исследования. Обоснован аналитико-интегративный подход к исследованию толерантности к неопределенности как релевантны стратегии комплексного изучения и объяснения феномена. Использован эвристический потенциал понятия «непроизвольный интеллектуальный контроль над переработкой информации» для объяснения специфики толерантности к неопределенности в различных стилевых субгруппах.

Практическая значимость работы. В диссертации представлено научное обоснование изучения толерантности к неопределенности как явления, определяющего решение практических задач в сферах межкультурной коммуникации, управления человеческими ресурсами и инновациями, бизнес-образования, обеспечения психологической безопасности личности. Материалы эмпирической части работы могут быть использованы для создания новых методик психологической диагностики толерантности к неопределенности и проведения психологических исследований, направленных на изучение поведения личности в ситуации неопределенности.

Организация и методы исследования.

Участники исследования. В исследовании приняли участие студенты ВУЗов – 181 испытуемый в возрасте 17-25 лет (29 юношей и 152 девушки).

Методики. Для измерения показателей толерантности к неопределенности использовались шкалы толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Г.У. Солдатовой (2008) и Д. МакЛейна в адаптации Е.Г. Луковицкой (1998), а также шкала «Толерантность» Калифорнийского психологического опросника Н. Gouhg (Н.А. Батулин, 1995). Для измерения когнитивно-стилевых характеристик толерантности к неопределенности использовались: тест «Встроенных фигур» Г. Виткина (1954); тест «Схожих рисунков» Дж. Кагана (1966); тест «Словесно-цветовой интерференции» Дж. Струпа (1935). Измерение личностных характеристик толерантности к неопределенности осуществлялось с помощью опросника «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой (1994), шкал личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Л. Ханина (1976, 1978) и базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун и А.В. Котельниковой (2008).

Исследовательский дизайн и анализ данных. Использовались корреляционный и Ex post facto дизайны. Для анализа данных применялись описательная статистика и корреляционный, эксплораторный факторный, дисперсионный, дискриминантный и кластерный анализ. Сравнение выборок осуществлялось по U-критерию Манна – Уитни. Математическая обработка данных проводилась с помощью статистических пакетов SPSS.13 и STATGRAFICS PLUS. 5.

Положения, выносимые на защиту:

1. Толерантность к неопределенности является феноменом, сопряженным как с когнитивно-стилевыми, так и с личностными характеристиками.
2. Когнитивные стили и личностные характеристики определяют выраженность толерантности к неопределенности как поведенческой диспозиции.
3. Интегративными составляющими феномена толерантности к неопределенности выступают: «непредубежденность», «непринятие неопределенности и риска», «угроза я», «полезависимость».
4. Эффекты влияния когнитивных стилей на проявление выраженности толерантности к неопределенности, ее характеристик могут объясняться с точки зрения механизма произвольного интеллектуального контроля.
5. Специфика ригидности обуславливает различные формы проявления интолерантности к неопределенности.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены на всероссийских научно-практических конференциях «Проблемы современного образования» (2009), «Психодиагностика в современном мире» (2009, 2010); докладывались в рамках межрегиональной научно-практической конференции «Инновационные технологии в педагогике и на производстве» (2006). Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и экспериментальной психологии Института психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета.

По теме диссертации опубликовано 5 работ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Список использованной литературы включает 201 источник, из них 70 на иностранных языках. Диссертация содержит 3 рисунка и 17 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, указываются цель, объект и предмет исследования, формулируются задачи и гипотезы. Далее раскрываются методологическая и теоретическая основа исследования, определяются его теоретическое значение и научная новизна, представлены методы организации исследования, сбора и обработки данных. Сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Теоретико-методологические предпосылки исследования толерантности к неопределенности» рассмотрено содержание дефиниций феномена толерантности к неопределенности. Произведен анализ современных эмпирических исследований конструкта на примере кросс-культурной и социально-психологической традиций его изучения, моделей управления человеческими ресурсами, разработок в области образования и психологического здоровья. Раскрыта контекстуальная специфика изучения феномена толерантности к неопределенности, сформулированы основные противоречия, связанные с его изучением. Теоретически обоснована программа эмпирического исследования.

В первом параграфе «*Генезис понятия толерантности к неопределенности*» проанализированы источники становления понятия в рамках различных подходов к его изучению (концепция авторитарной индивидуальности, психология восприятия, модели принятия решений).

Первый подход представлен концепцией авторитарной индивидуальности, в частности исследованиями Э. Френкель-Брунsvик. Содержание понятия толерантности к неопределенности рассматривается как противоположное понятию интолерантности к неопределенности, характеризующего индивидуальность авторитарного типа (E. Frenkel-Brunswik, 1949; T. Adorno et al., 1950). Психологическую сущность толерантности к неопределенности раскрывает феномен аттитюда, эксплицированный межличностной толерантностью, непредубежденностью, объективированностью оценок и суждений, когнитивной и поведенческой гибкостью. Изучение когнитивного стиля личности анализируется как наиболее позднее направление разработки проблемы авторитаризма. Когнитивный стиль рассматривается как одна из интегративных характеристик авторитарной индивидуальности, наряду со спецификой эмоциональной сферы и поведения.

В ходе исследований было установлено, что отождествление феноменов когнитивного стиля и авторитаризма вызвало критику данной теоретической позиции. Исследовательские гипотезы о ригидном складе личности и его детерминантах получили ограниченную эмпирическую поддержку (A. Chirumbolo et al., 2004; I. Cornelis and A. Van Hiel, 2006; R. McCrae, 1996).

Таким образом, понятие толерантности к неопределенности, развиваемое исследователями авторитарной индивидуальности оказалось «размытым», вследствие чего затруднительно определение четкой взаимосвязи между психологическим конструктом и эмпирическими переменными, что делает невозможным сопоставление результатов исследований и проверку предположений.

Второй подход к изучению толерантности к неопределенности представлен диспозиционными моделями, источником которых выступила концепция восприятия С. Баднера (1962). Данный подход сохраняет преемственность психологии индивидуальности, но репрезентирует иное понимание толерантности к неопределенности как устойчивой личностной характеристики, позволяющей описывать и предсказывать поведение человека в ситуации неопределенности. Толерантность к неопределенности рассматривается как личностный континуум, полюс шкалы, противоположный интолерантности к неопределенности, отражающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на неопределенность (Н.В. Шалаев, 2009; S. Budner, 1962; D. McLein, 1993). В русле данного подхода была конкретизирована специфика термина «неопределенность», под которой понимались неопределенные стимулы и ситуации, совмещенные с параметрами новизны, сложности, неразрешимости. Впервые был поставлен вопрос о создании специализированных шкал толерантности к неопределенности. Проблема диагностики феномена получила статус самостоятельного направления исследования (A. Furnham and T. Ribchester, 1995).

Третий подход к определению толерантности к неопределенности апеллирует к моделям принятия решений и смещает фокус проблематики из области индивидуальности в сферу взаимодействия личности и ситуации. Толерантность к неопределенности рассматривается как выбор из нескольких альтернатив, сопряженный с неуверенностью и риском. Положение о принципиальной нетождественности терминов «объективная неопределенность» и «субъективная неопределенность» дало основание для рассмотрения феномена в контурах субъектно-деятельностной методологии, где на первый план выходят не столько параметры внешней стимуляции, сколько ее ментальные репрезентации, представления человека о себе как об источнике преобразования ситуации, в совокупности определяющие направление его психической активности. Толерантность к неопределенности осмысливается как одно из субъектных оснований личностных выборов, выражающихся в реализации интеллектуально-личностного усилия по снижению воспринятой неопределенности и готовности субъекта к рискованным действиям, «субъективная цена» которых будет определяться в соответствии с иерархией личных ценностей и смыслов (Т.В. Корнилова, 2003; О.В. Степаносова, 2004).

Таким образом, изучение генезиса данного научного понятия позволило установить, что конструкт толерантности к неопределенности является сложным, объединяющим различные классы психологических явлений. Существование нескольких подходов к изучению толерантности к неопределенности позволяет говорить о возможности построения интегративных моделей объясне-

ния феномена.

Во втором параграфе «Проблема толерантности к неопределенности в современной психологии» представлен обзор исследований толерантности к неопределенности за последнее десятилетие. Подчеркивается, что идеи глобализации являются доминирующими в современных разработках толерантности к неопределенности, порождая более частные, производные от категории «неопределенность», контексты ее рассмотрения – разнообразие, неуверенность и стресс (N. Nelissen, P. de Goede, 2003; J. Strauss et al., 2003; M. Lane and K. Klenke, 2004).

В зависимости от специфики решаемых в исследованиях задач анализируются четыре области изучения толерантности к неопределенности: 1) культура и социум, 2) менеджмент, 3) образование и 4) психологическое здоровье.

В рамках первого направления исследований доминирует контекст разнообразия, толерантность к неопределенности выступает одной из центральных категорий, способных объяснять толерантное отношение к ценностям и нормам другого этноса, культуры, религии (M. Gasser and R. Tan, 1999; G. Lewis, 2005; M. Verkuyten, L. Slioter, 2007; A. Miller, J. Samp, 2007; J. Wright et al., 2008; D. Nelson, 2009).

Второе направление исследований представлено анализом феномена в связи с явлениями лидерства, предпринимательства, управленческой компетентности и принятия решений, их влияния на организационные изменения и поведение в организации (R. Priem, M. Shaffer, 2001; S. Shane et al., 2003; S. Madzar, 2005; S. Mol et al., 2005; M. Harvey et al., 2007; N. Saka et al., 2008; J. Shen et al., 2009).

В русле третьего направления исследований обсуждаются те аспекты толерантности к неопределенности, которые сопряжены с образовательной перспективой. В их числе успешность обучения за границей (R. Kim, S. Goldstein, 2005), предпочтения в условиях преподавания учебных курсов (V. DeRoma et al. 2003), решение задач подготовки бизнесменов и изучение креативности как основы инновационной деятельности (К. Урбан, 1999; Т.В. Корнилова, 2010; R. Nelson, S. Srivastava, 2002; K. Stoycheva, 2003; K. Banning, 2003; R. Narayanswamy, 2008; F. Zenasni et al., 2008). Понятие толерантности к неопределенности закрепляет за собой значение когнитивной характеристики, перцептивного и познавательного процесса, что отлично от более ранних его трактовок, связанных с пониманием конструкта как устойчивой личностной черты.

Исследования толерантности к неопределенности в области психологического здоровья сосредоточены на определении роли данного явления в процессах совладания с тревогой и стрессом в их взаимосвязи с психологическим здоровьем и сохранением адаптивности личности (Н.В. Шалаев, 2007; N. Friedland et al., 1999; R. Ingram et al, 2007; S. Bayer et al, 2007).

В результате сравнения определена преимущество в развитии направлений отечественных и зарубежных исследований толерантности к неопределенности (Е.Г. Луковицкая, 1998; Е.П. Белинская, 2006; А.И. Прихидько, 2006;

А.В. Бодров, 2000; С.А. Минюрова, 2007, 2008; Н.В. Шалаев, 2001; Т.П. Бутенко, 2009; Т.В. Корнилова, Е.В. Новотоцкая-Власова, 2009; Т.В. Корнилова, 2010; Д.А. Леонтьев, 2000; Е.Ю. Мандрикова, 2005; Е.Н. Осин, 2007, 2010). Подчеркивается тот факт, что в методологическом плане категория толерантности к неопределенности не является «новостью» для отечественной психологии (В.П. Зинченко, 2007; Т.В. Корнилова, 2006, 2010).

Таким образом, современный этап изучения толерантности к неопределенности характеризуется эмпирической прикладной направленностью, мало дополняемой методологической рефлексией. Обзор исследований толерантности к неопределенности выявил дефицит интегративных эмпирических моделей, способных объяснять многоплановость психологических проявлений феномена. Следствием этого является ряд противоречий, обнаруженных в ходе анализа эмпирических исследований.

В третьем параграфе *«Постановка проблемы исследования и методологические основания ее решения»* раскрываются противоречия в изучении толерантности к неопределенности. На основании анализа работ показывается возможность осмысления категории в нескольких теоретических ракурсах: система аттитудов (убеждений), когнитивный стиль, личностная черта, личностно-мотивационная характеристика, в отношении которой применимо описание коррелятов процесса принятия риска.

На уровне анализа эмпирических исследований установлена сопряженность феномена, как с личностными, так и с когнитивными характеристиками, в числе которых когнитивные стили (Е. Frenkel-Brunswik, 1949), креативность и мудрость (R. Helson, S. Srivastava, 2002; К. Stoycheva, 2003; М. Lane, К. Klenke, 2004), особенности когнитивно-личностных структур (S. Roccas, М. Brewer, 2002; М. Verzonsky, 2004). Отмечено, что содержание понятия толерантности приближено к пониманию интегративных психических процессов, таких как принятие решений, принятие риска и неопределенности (А.В. Карпов, С.В. Михайлова, 1988; А.В. Карпов, И.М. Скитяева, 2005; Т.В. Корнилова, 2010; К. Banning, 2003).

Делается вывод о сложном комплексном характере феномена толерантности к неопределенности, подчеркивается ограниченность отдельного анализируемых подходов к его изучению. Обосновывается необходимость комплексных исследований феномена, способных учитывать различные характеристики в его составе. Как релевантный обозначенной стратегии изучения определяется аналитико-интегративный подход (Л.Я. Дорфман, 2002, 2005; Г.В. Ковалева, 2002).

В параграфе *«Модель индивидуально-психологических характеристик толерантности к неопределенности»* дается обоснование изучения отдельных индивидуальных особенностей в составе характеристик толерантности к неопределенности. В результате анализа сформулированы положения, которым должны отвечать входящие в модель конструкты. Во-первых, они должны быть связаны с оценкой угрозы/привлекательности неопределенных стимулов. Во-

вторых, они должны репрезентировать те индивидуальные реакции, которые формируются на уровне восприятия и чувств. В соответствии с этими критериями осуществлялась оценка правомерности включения конструкторов когнитивного стиля, тревожности, базисных убеждений личности, готовности к риску в состав модели индивидуальных характеристик феномена.

В разделе «Когнитивно-стилевые характеристики толерантности к неопределенности» анализируется понятие когнитивного стиля. Акцент сделан на рассмотрении трех когнитивных стилей – полезависимость/полenezависимость, импульсивность/рефлексивность, ригидный/гибкий познавательный контроль – как содержательно релевантных основным информационным параметрам неопределенных стимулов/ситуации (дефицит, избыточность и противоречивость информации). Особое внимание уделяется вопросу о свойствах когнитивных стилей. Понятия квадриполярности когнитивного стиля и непроизвольного интеллектуального контроля над переработкой информации эксплицируют основной смысловой вектор изучения стилевой проблематики (М.А. Холодная, 1996, 2000, 2002). Когнитивный стиль определяется как субъективный инструмент организации интеллектуальной деятельности, фактор регуляции психической активности субъекта в условиях неопределенности ситуации.

В разделе «Личностные характеристики толерантности к неопределенности» осуществляется анализ личностной составляющей феномена, представленной такими характеристиками как тревожность (Ф.Б. Березин, 1988; Р. Мэй, 1979; Ч. Спилбергер, 1983; Х. Хекхаузен, 1986; М. Grimley et al, 2008), базисные убеждения личности (S. Epstein et al, 1996; R. Pacini, S. Epstein, 1999; S. Taylor et al., 2000), принятие риска (Т.В. Корнилова, 2003). Выделение состава личностных характеристик модели феномена осуществлялось исходя из анализа содержания конструктора толерантности к неопределенности, в соответствии с правилами аналитико-интегративного подхода.

Таким образом, в результате теоретического анализа установлено, что толерантность к неопределенности необходимо изучать с нескольких концептуальных позиций, а эмпирическое исследование проводить в рамках интегративных моделей. Модель «индивидуально-психологических характеристик толерантности к неопределенности» выражает понимание толерантности к неопределенности как сложного феномена, состав которого представлен сочетанием когнитивно-стилевых и личностных характеристик.

Во **второй главе** представлен исследовательский дизайн, описание алгоритма исследования, выборки и процедуры сбора данных, методик исследования и методов статистического анализа данных.

В параграфе «*Схема и участники исследования*» раскрываются организационные аспекты исследования, представленные в виде описания последовательности его этапов и участников исследования.

Эмпирическое исследование проводилось в 2008 – 2009 гг. в два этапа. Предварительный этап исследования имел целью получение групповых норм по шкалам толерантности к неопределенности С. Баднера и Д. МакЛейна. Его

целесообразность была обусловлена неполнотой сведений о выборках, на которых применялись интересующие нас шкалы, их специфичностью. Это делало имеющиеся данные малопригодными для сравнения. В предварительном исследовании принял участие 181 человек (все студенты ВУЗов) в возрасте 17 – 25 лет (29 юношей и 152 девушки).

Второй этап исследования был непосредственно связан с решением исследовательских задач. В нем участвовали 80 студентов (64 девушки и 16 юношей в возрасте от 17-22 лет, $M = 19.4$, $SD = 1.68$). Процедура сбора данных на этом этапе была организована в две серии: исследование в группе (тесты «карандаш – бумага») и индивидуальное исследование (обследование по стилевым методикам).

В работе использовались корреляционный и *ex post facto* дизайны. В рамках корреляционного дизайна данные обрабатывались посредством корреляционного и эксплораторного факторного анализов. *Ex post facto* дизайн (или сравнение групп) реализовывался в отношении ряда субъективных переменных. Сравнивались группы, различающиеся по уровням выраженности толерантности к неопределенности, определялись характеристики, которые наилучшим образом дифференцируют участников исследования по уровням выраженности толерантности к неопределенности. С помощью непараметрического U критерия Манна – Уитни, проводилось сравнение стилевых субгрупп, выделенных в результате процедуры кластеризации основного и дополнительного показателей когнитивных стилей. Дополнительно в рамках *ex post facto* дизайна с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) осуществлялось сравнение степени выраженности характеристик толерантности к неопределенности у девушек и юношей.

В параграфе *«Ограничения психодиагностической парадигмы в изучении толерантности к неопределенности»* обсуждаются проблемы, связанные с использованием опросников толерантности к неопределенности. В ходе анализа зарубежных исследований толерантности к неопределенности нами были выделены две стратегии преодоления ограничений психодиагностической парадигмы. Первая из них может быть обозначена как «поиск лучшей шкалы», вторая – как «выход за пределы исходного феномена». Последняя представлена созданием конструкций второго порядка, являющихся рекомбинациями поведенческих диспозиций (избегание риска, предпочтение порядка и структуры и др.), предметное содержание которых было представлено в фокусе проблемы толерантности к неопределенности на разных этапах ее изучения. В их числе: потребность в закрытии (*need of closure*), ориентация на неуверенность (*uncertainty orientation*), личная потребность в структуре (*personal need for structure*) и избегание неуверенности (*uncertainty avoidance*).

В соответствии с отмеченными тенденциями принято решение о включении в диагностический комплекс нескольких шкал толерантности к неопределенности. Это решение подкреплялось необходимостью оценки релевантности отдельных характеристик феномена (в этом случае, параметры шкал толерант-

ности к неопределенности имеют значение критериального компонента), а также выявлением наиболее «весомых» признаков толерантности к неопределенности, значимых для ее понимания.

В параграфе *«Методики и процедура исследования»* приводится описание используемых в работе методик.

В разделе *«Методики измерения когнитивно-стилевых характеристик толерантности к неопределенности»* рассмотрены методики, предназначенные для измерения когнитивных стилей:

Когнитивный стиль «полезависимость/полenezависимость» измерялся тестом «Включенные фигуры» Г. Виткина. Показатели: 1) среднее время обнаружения простой фигуры в сложной; 2) коэффициент имплицитной обучаемости как мера прироста эффективности деятельности по ходу ее выполнения.

Когнитивный стиль «импульсивность/рефлексивность» измерялся тестом «Сравнение схожих рисунков» Дж. Кагана. Показатели: 1) латентное время первого ответа; 2) общее количество ошибок.

Когнитивный стиль «ригидный/гибкий познавательный контроль» измерялся тестом «Словесно-цветовой интерференции» Дж. Струпа. Показатели:

1) величина интерференции: разница в продолжительности выполнения карт «цветные слова» и «цвет». Чем больше разница во времени, тем больше интерференция, тем более выражена ригидность познавательного контроля;

2) мера интегрированности различных форм когнитивного опыта: соотношение времени выполнения карт «цвет» и «слово». Высокое значение этого показателя указывают на тенденцию к дискоординации словесно-речевых и сенсорно-перцептивных функций, в свою очередь низкие значения данного показателя свидетельствуют о скоординированности основных «языков» переработки информации (М.А. Холодная, 2002).

В разделе *«Методики измерения личностных характеристик толерантности к неопределенности»* описаны личностные опросники, предназначенные для оценки толерантности к неопределенности, готовности к риску, тревожности, базисных убеждений личности.

Для измерения толерантности к неопределенности использовались однофакторные опросники толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Г.У. Солдатовой и Д. МакЛейна в адаптации Е.Г. Луковицкой. Определялся показатель толерантности к неопределенности в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов. Дополнительно применялась шкала «Толерантность» Калифорнийского психологического опросника (CPI). Показатель: стандартный балл по шкале, отражающий количественную меру поведенческой направленности индивидуума.

Тревожность измерялась при помощи шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера – Ханина. Показатели: 1) реактивная тревожность в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов; 2) личностная тревожность в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов.

Для оценки конструкта «базисные убеждения личности» использовалась шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в модификации М.А. Падун А.В. Котельниковой. Показатели: стандартные оценки, полученные для субшкал «доброжелательность окружающего мира», «справедливость», «убеждение о контроле», «образ-я», «удача».

Готовность к риску измерялась с помощью опросника «Личностные факторы принятия решения» (ЛФР-25) Т.В. Корниловой. Показатели: 1) рациональность; 2) готовность к риску. В работе применялся показатель готовности к риску как содержательно релевантный изучаемому феномену.

В параграфе *«Обоснование статистических методов обработки данных»* рассмотрены статистические процедуры, используемые при работе с данными. На первой стадии обработки данных определялись первичные статистические показатели по всем переменным. Было выявлено, что ряд переменных не соответствует закону нормального распределения. Поэтому в работе использовался анализ ранговых коэффициентов корреляции Спирмена. Между тем метод корреляционного анализа в своей содержательной интерпретации не позволяет выйти за рамки констатации вероятностной связи между двумя переменными. Применение корреляционного анализа является недостаточным в случае анализа показателей когнитивных стилей. Отмечено большое число противоречий по результатам подобного рода исследований (М.А. Холодная, 2002). Поэтому в процедуру статистической обработки данных были включены многомерные методы статистического анализа – дискриминантный, факторный (вариант метода главных компонент с последующим ортогональным Varimax и неортогональным Direct Oblimin вращением факторов) и кластерный анализ (метод Варда «Ward Distance Metric: Squared Euclidean»).

В **третьей главе** «Результаты эмпирического исследования соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности и их обсуждение» осуществляется решение эмпирических задач исследования, производится обсуждение модели индивидуально-психологических характеристик толерантности к неопределенности.

В параграфе *«Анализ и интерпретация взаимосвязей между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности»* решалась первая задача исследования – выяснить, существуют ли соотношения между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности с учетом линейности измеряемых характеристик. Дополнительно устанавливались те индивидуальные характеристики, которые вносят наибольший вклад в дискриминацию участников исследования по уровням выраженности толерантности к неопределенности как диспозиции.

В рамках корреляционного анализа (N=181) было установлено, что шкалы толерантности к неопределенности слабо коррелируют между собой (критерий Козна), из чего следует, что они измеряют связанные, но не идентичные конструкты. Определено (N=80), что различные меры оценки толерантности к неопределенности избирательно коррелируют с когнитивными стилями и лич-

ностными особенностями. Таким образом, несмотря на то, что шкалы толерантности к неопределенности предназначены для измерения общего для них конструкта, они оценивают различные аспекты его проявления.

Анализ корреляционных взаимосвязей показателей толерантности к неопределенности, когнитивных стилей и личностных свойств позволил заключить, что значимыми для понимания феномена толерантности к неопределенности являются особенности переработки информации, самоконтроль поведения, возможность «безопасного» самопроявления и самореализации личности в ситуации неопределенности.

Использование процедуры дискриминантного анализа ($N=80$) позволило определить наиболее «весомые» характеристики в составе феномена. В результате дискриминантного анализа межгруппового фактора «толерантность к неопределенности» (шкала С. Баднера) было выявлено, что показатель «величина интерференции» (.893, $p \leq .05$) внес наибольший вклад в дискриминацию участников исследования по уровням выраженности толерантности к неопределенности.

В результате дискриминантного анализа межгруппового фактора «толерантность к неопределенности» (шкала Д. МакЛейна) было установлено, что значимые корреляции с канонической дискриминантной функцией были у показателей (в убывающем порядке): «готовность к риску» (.762, $p \leq .05$), «личностная тревожность» (– .629, $p \leq .05$), «справедливость» (.415, $p \leq .05$).

В ходе дискриминантного анализа межгруппового фактора толерантность (шкала «Толерантность», CPI), было выявлено, что значимые корреляции с канонической дискриминантной функцией были у показателей (в убывающем порядке): «доброжелательность окружающего мира» (.82, $p \leq .05$), «справедливость» (.693), «образ-я» (.607, $p \leq .05$), «личностная тревожность» (–.58, $p \leq .05$).

Таким образом, применение процедуры дискриминантного анализа позволило нам существенно сузить количество характеристик, способных предсказывать толерантное отношение к неопределенным стимулам/ситуациям.

На следующем этапе осуществлялся анализ взаимосвязей между личностными характеристиками толерантности к неопределенности, изучалась личностная составляющая феномена.

Факторный анализ ($N=80$) личностных характеристик толерантности к неопределенности показал трехкомпонентную структуру данных (метод главных компонент, с вращением Direct Oblimin, $\delta=0$). Была подтверждена гипотеза о неортогональности факторов. Доля суммарной дисперсии составила 63.04%. Собственные значения факторов после вращения были отличны от единицы (2.71, 2.33, 2.48 соответственно). Таким образом, все выделенные факторы участвовали в анализе (критерий Кайзера – Гутмана).

Максимальные нагрузки (все положительные) на первый фактор определили (в порядке убывания) показатели «доброжелательность окружающего мира» (.852), «справедливость» (.827), «толерантность» (.697), «удача» (.569).

Данный фактор интерпретировался как «непредубежденность».

Максимальные нагрузки (все отрицательные) на второй фактор определили (в порядке убывания) показатели «толерантность к неопределенности» (шкала Д. МакЛейна) ($-.834$), «готовность к риску» ($-.751$), «толерантность к неопределенности» (шкала С. Баднера) ($-.729$). Данный фактор интерпретировался как «непринятие неопределенности и риска».

Максимальные нагрузки на третий фактор определили (в порядке убывания) показатели «убеждение о контроле» ($-.849$), «образ-я» ($-.807$), «личностная тревожность» ($.620$). Данный фактор интерпретировался как «угроза я».

Компоненты, образующие факторную структуру не являются ортогональными. Фактор «непредубежденность» отрицательно коррелировал с факторами «непринятие неопределенности и риска» ($r=-.239$, $p\leq.05$) и «угроза я» ($r=-.322$, $p\leq.01$). Факторы «непринятие неопределенности и риска» и «угроза я» были связаны положительно ($r=.224$, $p\leq.05$).

Таким образом, наличие в опыте субъекта таких атрибутивных схем, как убеждение о безопасной возможности доверять миру, убеждение о действенности закона справедливости и о собственном везении будет указывать на возможность принятия риска и неопределенности. Неуверенность в себе, переживание угрозы целостности Я, а также отсутствие воспринятой способности влиять на ход событий собственной жизни и сохранение активности будут определять поведение избегания в отношении ситуаций, сопряженных с неопределенностью и риском. Ограничение возможности поддерживать положительный Образ Я и контролировать события собственной жизни, делая ее более предсказуемой (потребность в предсказуемости), будут связаны с появлением в оценках и поведении черт предубежденности и враждебности.

Следующий этап анализа был связан с рассмотрением взаимосвязей когнитивно-стилевых характеристик, образующих когнитивную составляющую феномена.

На уровне корреляционного анализа ($N=80$) не обнаружены взаимосвязи между когнитивными стилями полезависимость/полenezависимость, импульсивность/рефлексивность, ригидный/гибкий познавательный контроль. Отсутствие наблюдаемых корреляционных связей между показателями когнитивных стилей может свидетельствовать в пользу гипотезы о нелинейности стилиевых измерений. В рамках факторного анализа (метод главных компонент, с вращением Oblimin) была определена трехфакторная структура данных, с общей долей объяснимой дисперсии 68.52%. Собственные значения факторов после вращения были отличны от единицы (1.5, 1.3, 1.2 соответственно). Все выделенные факторы участвовали в анализе.

Факторы определились в соответствии с показателями когнитивных стилей. Выделенные факторы являются ортогональными. В первый фактор вошли показатели времени принятия первого решения ($-.903$) и количество ошибок (.845). Первый фактор интерпретировался как «импульсивность». Во второй фактор вошли показатели соотношения времени прочтения карт «цвет» и «сло-

во» (.848) и «величина интерференции» (.737). Второй фактор интерпретировался как «ригидность познавательного контроля». Нагрузки на третий фактор определили показатели «скорость обнаружения простой фигуры в сложной» (.737) и «имплицитная обучаемость» (.686). Третий фактор интерпретировался как «полезависимость».

Подчеркнем, что для третьего фактора были отмечены положительные «веса» для вошедших в него показателей, т.е. полезависимость положительно связана с имплицитной обучаемостью.

Заключительный этап анализа был представлен рассмотрением взаимосвязей между характеристиками личностной и когнитивной составляющих феномена толерантности к неопределенности

На уровне корреляционного анализа характеристик толерантности к неопределенности было установлено, что полезависимость положительно взаимосвязана с личностной тревожностью ($r=.265$, $p\leq.05$) и отрицательно с убеждением о собственной удачливости ($r=-.262$, $p\leq.05$). Величина интерференции и готовность к риску коррелировали отрицательно ($r=-.273$, $p\leq.05$).

Таким образом, по результатам корреляционного анализа можно заключить, что способность к структурированию перцептивного поля, интерпретируемая как способность действовать в условиях недостатка знания, вероятно, будет обуславливать уменьшение эмоционального напряжения и более позитивное восприятие собственного Я в терминах удачливости и везения. С другой стороны, чем больше напряжена сфера самоконтроля, тем ниже вероятность рискованных действий в ситуации неопределенности.

Корреляционный анализ факторов, выявленных в рамках анализа характеристик личностной и когнитивной составляющих феномена, установил положительную связь между факторами «полезависимость» и «угроза я» ($r=.302$, $p<.05$).

Таким образом, чем более дифференцированы, структурированы представления о себе, тем в меньшей степени личность подвержена переживанию опасений, связанных с угрозой самооценке. По-видимому, степень артикулированности как когнитивно-личностное свойство, позволяет избежать «черно-белых» суждений, поддерживать позитивные представления об окружающем мире и собственном Я, создавая ощущение собственной безопасности, защищенности и возможность толерантного отношения к неопределенности.

Решение первой эмпирической задачи позволило сформулировать следующие выводы:

1. Установлены взаимосвязи между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности.

2. Определены переменные (факторы) и взаимосвязи между ними, которые лежат в основе сопряженности когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности.

3. Отсутствие взаимосвязей между отдельными когнитивными стилями, а также слабые корреляции между когнитивно-стилевыми и личностными харак-

теристиками толерантности к неопределенности свидетельствуют о том, что корреляционная аргументация недостаточна для уяснения соотношений между когнитивной и личностной составляющими толерантности к неопределенности, поскольку не учитывает феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей (М.А. Холодная, 2002).

В параграфе «Анализ соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности с позиций феномена “расщепления” полюсов когнитивных стилей» решалась вторая задача исследования путем анализа соотношения когнитивно-стилевых и личностных характеристик толерантности к неопределенности с учетом нелинейности стилиевых измерений (феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей). Для решения задачи средствами кластерного анализа данные (N=80) анализировались на предмет структурной неоднородности. С учетом основного и дополнительного показателя когнитивного стиля выделялись непересекающиеся либо слабопересекающиеся кластеры, в дальнейшем обозначаемые как стилиевые субгруппы. После чего осуществлялось их сравнение с помощью непараметрического критерия Манна – Уитни.

Анализ основного и дополнительного показателей когнитивного стиля *полезависимость/полenezависимость* позволил выделить три кластера, которые интерпретировались как субгруппы «фиксированные полenezависимые» (23%), «мобильные полenezависимые» (65%) и «мобильные полезависимые» (12%) (рис 1.)

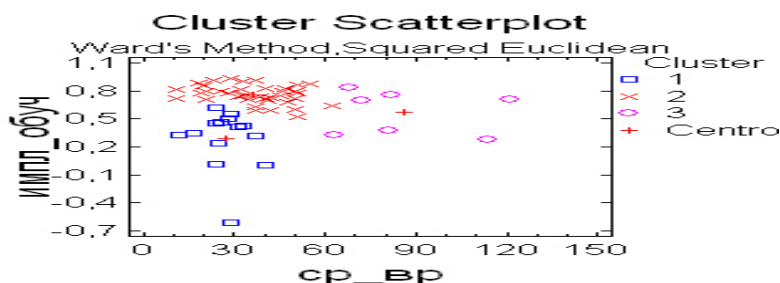

Рис. 1. Графическое изображение «расщепления» полюсов когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость»

Примечание: ср_вр – показатель скорости обнаружения простой фигуры в сложной; импл_обуч – показатель имплицитной обучаемости; □ – «фиксированные полenezависимые»; × – «мобильные полenezависимые»; ○ – «мобильные полезависимые».

Сравнение субгрупп «фиксированные полenezависимые» и «мобильные полenezависимые» («расщепление» полюса полenezависимости) выявило значимые различия по показателю «толерантность к неопределенности», измеренному шкалой Д. МакЛейна ($p \leq .05$). Таким образом, «фиксированные полenezависимые» сообщают о большей толерантности к неизвестным, сложным, динамически неопределенным стимулам. Для понимания смысла полученного результата было сформулировано два объяснения.

Согласно первому из них, высокая аналитичность, характеризующая суб-

группу «фиксированные полenezависимые», способствует уменьшению влияния эффектов эмоционального напряжения на обработку информации, что обуславливает принятие неопределенных стимулов. Данное предположение получило поддержку в рамках схемы гендерного сравнения (16 юношей и 64 девушки). Результаты сравнительного анализа межгруппового фактора «пол» позволили установить, что мужская часть выборки характеризуется большей толерантностью к неопределенности ($F=3.68$, $p \leq .05$) и полenezависимостью ($F=5.77$, $p = .02$), меньшими значениями личностной и реактивной тревожности ($F=16.53$, $p \leq .001$; $F=3.94$, $p \leq .05$ соответственно), чем женская.

Второе объяснение связано с анализом показателя имплицитной обучаемости. Содержательно имплицитная обучаемость соотносится с адаптивной способностью неявно (без сознательных попыток) выявлять закономерности окружающей среды. Операционально – с общей способностью индивида обучаться в процессе решения задач (И.С. Кострикина, 2008). В связи с этим высокий уровень толерантности к неопределенности в субгруппе «фиксированные полenezависимые» интерпретировался как проявление интолерантности к неопределенности, выражение защитной ментальной установки – закрытости опыта.

Таким образом, картина полученных данных согласуется с предложенными объяснениями. Сопряженность полenezависимости и толерантности к неопределенности указывает на продуктивную составляющую аналитического компонента стиля в принятии неопределенных стимулов. Между тем, анализ показателя имплицитной обучаемости позволяет принять второе объяснение как более удовлетворительное.

Сравнение субгрупп «мобильные полenezависимые» и «мобильные полenezависимые» определило значимые различия по показателю «готовность к риску» ($p \leq .05$). Полenezависимость положительно сопряжена с готовностью к риску. Данный факт объясняется тем, что аналитичные (полenezависимые) субъекты в большей степени сосредоточены на порядке и контроле, чаще выделяют негативные аспекты ситуации. В свою очередь, синтетичные (полenezависимые) индивидуумы характеризуются стремлением воспринимать все аспекты ситуации в балансе, что вероятно и определяет их большую готовность к риску (M. Grimley, G. Banner, 2008).

Результатом «расщепления» полюсов когнитивного стиля *импульсивность/рефлексивность* было выделение следующих трех субгрупп испытуемых: «медленные/точные» (21%), «быстрые/точные» (67%), «быстрые/неточные» (12%) (рис. 2).

Сравнение субгрупп «быстрые/точные» и «быстрые/неточные» («расщепление» полюса импульсивности) выявило значимые различия по показателю «справедливость» ($p \leq .05$), из чего следует, что импульсивные субъекты демонстрируют убеждение о несправедливости окружающего мира. Отмеченное соотношение является вполне ожидаемым, если учитывать то, что импульсивным субъектам не свойственно тщательно анализировать информацию, переби-

рать альтернативные решения, отказываться от одних и переключаться на другие (Т.В. Корнилова и др., 1986).

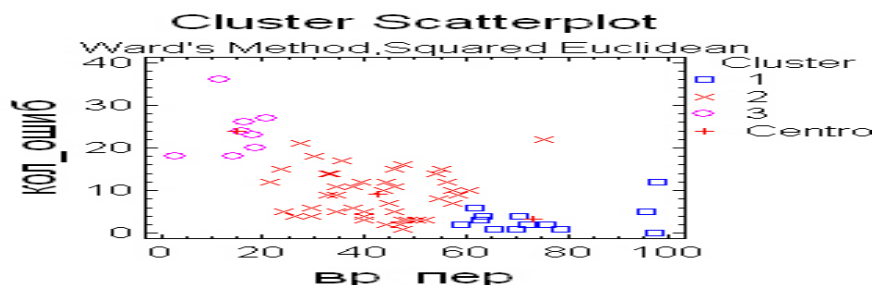

Рис. 2. Графическое изображение «расщепления» полюсов когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность»

Примечание: вр_пер – показатель времени первого ответа; кол_ошиб – показатель количества ошибок; □ – «медленные/точные»; × – «быстрые/точные»; ○ – «быстрые/неточные».

Указанные особенности находят свое выражение в склонности к генерализованным обобщениям и специфическим схемам оценки впечатлений. В частности, внешние события и ситуации оцениваются менее позитивно, с пессимистическим уклоном, как угрожающие, несправедливые, несущие угрозу для Я.

Сравнение субгрупп «медленные/точные» (рефлексивные) и «быстрые/неточные» (импульсивные) обнаружило неоднозначную картину результатов. Так, рефлексивность положительно сопряжена с показателем толерантности к неопределенности С. Баднера ($p \leq 0.05$) и отрицательно – с имплицитной обучаемостью ($p \leq 0.01$). Если первый результат согласуется с более ранними исследованиями толерантности к неопределенности (Е. Frenkel-Brunswik, 1949), то второй результат является малоожидаемым. Выраженность показателя имплицитной обучаемости в субгруппе «импульсивные», вероятно, обусловлена гиперкомпенсацией, стремлением предотвратить состояние неуверенности, вызванное ситуацией неопределенности выбора. По нашему мнению, высокая скорость научения, наблюдаемая у импульсивных испытуемых, является субъективным инструментом преодоления тревоги. «Быстрые/неточные» более быстро реагируют на новое в ситуации, но склонность к импульсивному закрытию, в противовес тщательному сбору и анализу информации, ограничивает возможность интеллектуальной ориентировки в ситуации многоальтернативности выбора.

В рамках когнитивного стиля *ригидный/гибкий познавательный контроль* были выделены следующие четыре субгруппы испытуемых: «неинтегрированные» (41%), «гибкие» (24%), «интегрированные» (23%), «ригидные» (12%) (рис. 3).

Для понимания особенностей данного когнитивного стиля нам представляется значимым рассмотрение основных показателей, связанных с его измерением.

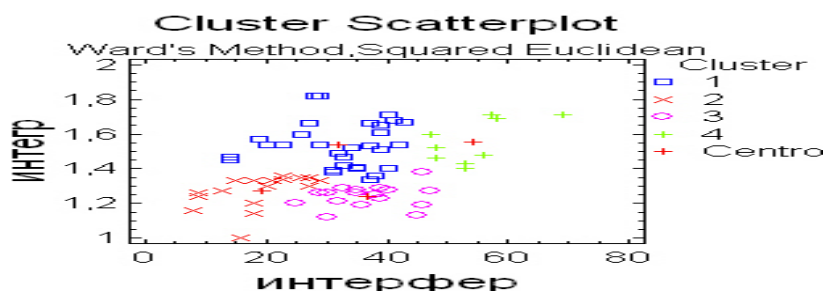

Рис. 3. Графическое изображение «расщепления» полюсов когнитивного стиля «ригидный/гибкий познавательный контроль»

Примечание: интерфер – показатель величины интерференции; интегр – показатель меры интегрированности различных форм познавательного опыта; □ – «неинтегрированные», × – «гибкие», ○ – «интегрированные»; + – «ригидные»

Вопрос о сущности показателя соотношения времени чтения карт «цвет» и «слово» является наиболее дискуссионным. Традиционно он интерпретируется как «вербальность» или «вербальная доминантность». Между тем, имеются факты, указывающие на некорректность подобной формулировки. По мнению М.А. Холодной (2002), данный показатель следует рассматривать как меру интеграции (близости) двух форм познавательного опыта, проявление способности осуществлять одну из форм словесно-образного перевода. Подобная трактовка смысла указанного показателя является метафоричной, но по сути своей обращенной к проблеме различных систем ментальной репрезентации (Т.А. Ребеко, 1998; Дж. Ричардсон, 2006). Показатель соотношения времени чтения карт «цвет» и «слово», на наш взгляд, следует интерпретировать как предпочтения в характере построения ментальных репрезентаций – последовательном или одновременном, тогда как величину интерференции необходимо рассматривать как способность «переключаться» с одного способа кодирования информации на другой, собственно когнитивную гибкость. Именно в данных смысловых координатах осуществлялся анализ полученных результатов.

«Расщепление» полюса гибкости познавательного контроля («неинтегрированные» – «гибкие») выявило, что субгруппа «гибкие» демонстрирует наиболее высокие показатели по шкалам толерантности к неопределенности ($p \leq .05$) и готовности к риску ($p \leq .05$). Это обеспечивается, на наш взгляд, одновременно в кодировании сенсорно-перцептивных и вербальных стимулов и когнитивной гибкостью. В свою очередь, субгруппа «неинтегрированные», в отличие от субгруппы «гибкие», демонстрирует тенденцию к последовательной обработке информации, которая сочетается с когнитивной гибкостью. Данную субгруппу характеризует выраженность показателя «доброжелательность окружающего мира» ($p \leq .05$).

В интеллектуальном поведении субгруппы «неинтегрированные» можно обнаружить сходство с поведением субгруппы «фиксированные полнезависимые». Высокие показатели толерантности к неопределенности, ее характеристик в данных субгруппах обеспечиваются, на наш взгляд, высоким когнитивным ресурсом представителей этих стилевых субгрупп. С учетом специфики выявленных взаимосвязей можно допустить, что когнитивный ресурс данных категорий испытуемых направлен на совладание с тревогой путем переосмысления событий в рамках сложившихся схем и убеждений с целью поддержания положительных установок в отношении собственного Я и окружающего мира. По мнению исследователей, чем больше человек переживает угрозу в отношении собственного Я, тем больше он испытывает потребность «держаться» за позитивные иллюзии (M. Verzonsky, 2004; S. Bayer et al., 2007).

Субгруппа «неинтегрированные» демонстрирует более низкие значения личностной тревожности ($p \leq .05$) и убеждение о контроле ($p = .004$), чем субгруппа «интегрированные».

Сравнение субгрупп «гибкие» и «интегрированные» показало, что «гибкие» характеризуются большим значением толерантности к неопределенности по шкалам С. Баднера ($p = .012$) и Д. МакЛейна ($p = .045$), готовностью к риску ($p = .006$), меньшей тревожностью ($p \leq .05$) и убеждены о том, что могут контролировать события собственной жизни ($p = .015$).

Субгруппа «интегрированные» (полнос ригидности познавательного контроля), согласно имеющимся в литературе представлениям, является наиболее продуктивной поскольку отличается сформированностью механизма произвольного интеллектуального контроля (это проявляется в более медленном выполнении карты «цветные слова»). С другой стороны, в сравнении с субгруппами «неинтегрированные» и «гибкие» субгруппа «интегрированные» характеризуется более низкими показателями шкал толерантности к неопределенности, готовности к риску, высокими значениями личностной тревожности, а также проявляет тенденцию к интерпретации событий собственной жизни как мало-контролируемых. Чем объяснить полученные факты?

Современные когнитивные исследования показывают, что характер переработки информации оказывает влияние на ее эффективность данного процесса. Так, специфические характеристики когнитивного стиля могут приводить к усилению познавательной неуверенности за счет сокращения объема доступной рабочей памяти (M. Grimley et al., 2008). В случае комплиментарного когнитивного стиля (в нашем случае, субгруппы «гибкие» и «интегрированные») происходит увеличение нагрузки на рабочую память в связи с необходимостью переключаться с одного типа переработки информации на другой. В свою очередь, сокращение объема рабочей памяти ведет к усилению познавательной неуверенности и беспокойству. Это согласуется с теми результатами, которые были получены нами при сравнении субгрупп «гибкие» и «интегрированные». Повидимому, особенности когнитивных процессов выступают источником интолерантных реакций на неопределенность. В этом случае действие механизма

непроизвольного интеллектуального контроля сопряжено с механизмом компенсации, реализация которого обусловлена дефицитом личностного ресурса.

«Расщепление» полюса ригидности познавательного контроля позволило дифференцировать две субгруппы – «интегрированные» и «ригидные». В ходе сравнения этих субгрупп были обнаружены различия по показателям «количество ошибок» ($p=.047$) и «время чтения карты “цвет”» ($p=.009$). Можно заключить, что ригидность познавательного контроля положительно сопряжена с импульсивностью и низкой скоростью сенсорно-перцептивного кодирования (медленное выполнение карты «цвет») ($p=.009$). В этом случае, наиболее автоматизированными у «ригидных» должны быть вербальные функции, что подтверждается результатами других исследований (М.А. Холодная, 2002). По-видимому, познавательные образы ригидных испытуемых будут, скорее, однородными, включающими поверхностные представления о мире. Как отмечают исследователи, толерантность к неопределенности тесно связана с установками на разнообразие, которые и должны, по нашему мнению, выражаться в разнообразии используемых средств создания познавательного образа (J. Strauss et al., 2003).

Попарное сравнение субгрупп «гибкие» и «ригидные», а также «неинтегрированные» и «ригидные» показало, что ригидные испытуемые демонстрируют наиболее низкие значения показателей «готовность к риску» ($p=.03$), «образ-я» ($p\leq.05$) и «убеждение о контроле» ($p\leq.05$). Таким образом, субгруппа «ригидные» характеризуется когнитивной и личностной интолерантностью к неопределенности.

По нашему мнению, значимым является сравнение стилевых субгрупп – «неинтегрированные» и «ригидные». Основным критерием их демаркации выступает показатель величины интерференции, который и обуславливает различную выраженность личностных характеристик толерантности к неопределенности. Так, субгруппа «неинтегрированные» характеризуется более высокими значениями показателей «образ-я» ($p\leq.05$) и «убеждение о контроле» ($p=.009$), чем субгруппа «ригидные». Вероятно, способность переключаться, а не «фиксироваться» на негативных впечатлениях, что характерно для субгруппы «неинтегрированные», позволяет поддерживать позитивные базисные схемы, значимые в плане ощущения психологической защищенности и возможности проявления толерантности к неопределенности. Субгруппа «ригидные» характеризуется неспособностью изменить модус переживания в силу недостаточности когнитивного ресурса. В этом случае наблюдается ограничение в реализации стратегического контроля над интеллектуально-личностным ресурсом (R. Pacini et al., 1998). Конкретный, дихотомический стиль размышления присущий субгруппе «ригидные», приводит к восприятию жизненных событий как всецело отрицательных и не позволяет руководствоваться иллюзией контроля (N. Friedland et al., 1999; S. Bayer et al., 2007). По-видимому, интеллектуальная активность данной категории испытуемых направлена на то, чтобы справиться с напряжением и восстановить контроль. Таким образом, когнитивная гибкость

является существенной характеристикой интеллектуально-личностного ресурса субъекта в ситуации неопределенности.

Решение второй эмпирической задачи позволило сформулировать следующие выводы:

1. Отдельные когнитивные стили не являются изолированными конструктами.

2. Эффекты крайних значений когнитивных стилей сопоставимы с интолерантностью к неопределенности. Интеллектуальное поведение субгрупп «фиксированные полнезависимые», «неинтегрированные», «быстрые/неточные» и «ригидные», несмотря на их различное когнитивное обеспечение, объединяет одна общая характеристика – ригидность, но ее качественные особенности различны. В случае субгрупп «фиксированные полнезависимые» и «неинтегрированные» она выражается, скорее, как ментальная установка. В субгруппах «быстрые/неточные» и «ригидные» специфика когнитивного ресурса определяет личностные аспекты ригидного поведения, что проявляется в особенностях эмоционального реагирования.

3. Субгруппы, обозначаемые как толерантные к неопределенности, неоднородны по соотношению когнитивно-стилевых и личностных характеристик. Так, сочетание высоких показателей когнитивного ресурса с эффектами интеллектуальной саморегуляции сопоставимо с диспозициональной толерантностью к неопределенности и связанными с ней личностными особенностями. В случае снижения когнитивного ресурса на первый план выходит сформированность механизма произвольного интеллектуального контроля над переработкой информации. Показатели личностных характеристик толерантности к неопределенности могут принимать низкие значения.

В третьем параграфе *«Обсуждение модели индивидуально-психологических характеристик толерантности к неопределенности»* представлено обсуждение результатов исследования.

Логика нашего исследования реализуется в модели индивидуально-психологических характеристик феномена толерантности к неопределенности и выражает его понимание как характеристики когнитивного стиля и характеристики личности. Обсуждение модели и полученных в ее рамках результатов инициирует обращение к вопросам, которые были сформулированы в начале исследования. Толерантность к неопределенности – одномерное или многомерное явление? Толерантность к неопределенности – это «стержневое» психическое свойство или специфические особенности когнитивных процессов?

Эмпирическое исследование показало, что когнитивно-стилевые и личностные характеристики, выделенные нами в составе толерантности к неопределенности, взаимосвязаны. Выявлены составляющие толерантности к неопределенности, которые обуславливают сопряженность между когнитивно-стилевым и личностным характеристиками феномена и могут выступать в качестве его индикаторов. Таким образом, эмпирически доказано, что толерантность к неопределенности является многомерным конструктом.

Вопрос о том, является ли толерантность к неопределенности «стержневым» психическим качеством (чертой) или выражается в специфике когнитивных процессов не предполагает столь однозначного ответа. В ходе эмпирического исследования было установлено, что особенности личностной и когнитивно-стилевой организации субъекта находят свое отражение в характеристиках феномена толерантности к неопределенности. Когнитивно-стилевые (такие, как когнитивная гибкость) и личностные (готовность к риску, личностная тревожность, базисные убеждения личности) свойства являются предикторами толерантного к неопределенности отношения.

Таким образом, когнитивно-стилевые и личностные характеристики совместно определяют выраженность толерантности к неопределенности как поведенческой диспозиции. Поэтому данные характеристики являются не альтернативными, а взаимодополняющими в плане понимания специфики отношения личности к неопределенности. Это можно наблюдать на примере феномена «расщепления» полюсов когнитивных стилей

«Расщепление» стиливых полюсов позволяет зафиксировать факты, ранее не учитываемые при исследовании когнитивных стилей. Применение данного подхода к изучению толерантности к неопределенности показало, что когнитивный ресурс, в частности такая его характеристика, как когнитивная гибкость, является предпосылкой проявления толерантности к неопределенности в поведении. С другой стороны, учет структурно-функциональных особенностей когнитивных стилей позволяет говорить о том, что личностные и когнитивные составляющие феномена толерантности к неопределенности не так однозначно связаны между собой. Сравнение стиливых субгрупп по выраженности характеристик толерантности к неопределенности дает основание полагать, что механизм непровольного интеллектуального контроля может рассматриваться в качестве одного из признаков этого феномена. Такие его индикаторы, как учет контекста, имплицитная обучаемость, оттормаживание нерелевантных аффективных побуждений, интегрированность когнитивного опыта рассматриваются в связи с явлениями оптимизации и компенсации в контексте толерантности к неопределенности. Действие данного механизма регуляции интеллектуальной деятельности может выступать ресурсной составляющей интеллектуально-личностного потенциала субъекта в ситуации неопределенности.

Подводя итог обсуждению, можно заключить, что толерантность к неопределенности является многомерным конструктом, представленным соотношением когнитивно-стилевых и личностных характеристик.

В заключении делаются выводы по итогам диссертационной работы.

1. Толерантность к неопределенности – комплексный феномен, представленный взаимосвязями когнитивно-стилевых и личностных характеристик.

2. Диагностические конструкты толерантности к неопределенности описываются различными наборами характеристик модели феномена. Наибольшей способностью к дискриминации участников исследования по уровням выраженности толерантности к неопределенности обладают следующие показатели:

«величина интерференции», «готовность к риску», «доброжелательность окружающего мира».

3. Феномен толерантности к неопределенности представлен несколькими взаимосвязанными составляющими, которые лежат в основе соотношения характеристик толерантности к неопределенности: «непредубежденность», «непринятие неопределенности и риска», «угроза я», «полезависимость».

4. Отдельные когнитивные стили не являются изолированными конструктами. Эмпирически подтвержден феномен «расщепления» полюсов когнитивных стилей, определена сопряженность между отдельными когнитивными стилями.

5. Взаимосвязи между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности опосредуются эффектами стилевой регуляции. Действие механизма непроизвольного интеллектуального контроля имеет значение оптимизации и компенсации.

6. Эффекты крайних значений когнитивных стилей сопряжены с качественно различными проявлениями ригидности.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, определенных ВАК РФ

1. Юртаева, М.Н. Эффекты когнитивных стилей на проявление личностных характеристик толерантности к неопределенности / М.Н. Юртаева // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – №2 (89) – С. 214-219. – 0.4 п.л.

2. Юртаева, М.Н. Исследование когнитивных и личностных особенностей толерантности к неопределенности / М.Н. Юртаева // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – Екатеринбург, 2010. – № 8 (76). – С. 71 – 79. – 0.5 п.л.

Другие научные публикации автора

3. Юртаева, М.Н. Толерантность к неопределенности и предпочтения в обработке информации / М.Н. Юртаева // Ученые записки кафедры теоретической и экспериментальной психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета / под. общ. ред. Н.С. Глуханюк, О.В. Боголюбовой. – Вып. 3. – Екатеринбург, 2011. С. 26-38. – 1.2 п.л.

4. Юртаева, М.Н. Толерантность к неопределенности как стратегия и ресурс опережающего образования / М.Н. Юртаева // Национальная образовательная стратегия. Формирование современной модели образования, ориентированной на достижение целей опережающего развития / Материалы окружной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 214 – 216. – 0.2 п.л.

5. Юртаева, М.Н. Эффекты когнитивных стилей: возможности исследования / М.Н. Юртаева // Инновационные технологии в педагогике и на производстве: Тезисы докладов XII межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. – Екатеринбург, 2006. – С. 42 – 44. – 0.1 п.л.